

Андрей туманно представлял себе, что именно нужно дарить женщинам к празднику. С подарками он не раз попадал впросак. Правда, Клава всегда очень долго его благодарила, но потом вела себя как-то странно. Например, с театральной сумочкой, подаренной Андреем, она ходила только в магазин, а в театр – никогда. Духами, которые он подарил, она не душилась.

– В чем дело? – недоумевал Андрей. – Но флаконов красивей этого в магазине не было. Посмотри, какой замысловатый...

– Все хорошо, все очень хорошо, – успокаивала его Клава. – Просто я берегу твой подарок. Он очень дорог мне – вот и берегу.

Но в этом году Андрею повезло. За несколько дней до праздника Клава, вернувшись с работы, сказала:

– Сегодня утром, я видела, продавали мимозы. Спешила на работу – и не могла купить. Это мои самые любимые цветы. Знаешь, каждый цветочек похож на сказочно маленького цыпленка, присевшего на веточку.

– Разве это твои самые любимые цветы? – механически, не отрываясь от газеты, спросил Андрей.

– Я сообщаю тебе об этом каждую весну, – обиделась Клава. И, как всегда в подобных случаях, стала нарочито громко стучать и звенеть на кухне.

Андрей вспомнил об этом разговоре вечером седьмого марта, когда мужчины из их конструкторского бюро устремились в магазины за подарками. Днем они все получали устные и письменные консультации у секретарши начальника, которая считалась самой элегантной женщиной не только в бюро, но и во всем научно-исследовательском институте. Она любила давать советы по части подарков, нарядов и правил хорошего тона.

Пожалуй, только Андрей не советовался с секретаршей начальника. Он знал, что нужно преподнести Клаве: он подарит ей мимозы, ее самые любимые цветы.

В цветочном магазине, неподалеку от института, покупателей не было. Продавщица сидела в уголке, сосредоточенно разглядывая свои ногти, видно определяя, нужно ли наводить к празднику маникюрный глянец.

«Вот хорошо! – подумал Андрей. – Совсем пусто!» Но тут он заметил, что и на полках магазина тоже было пусто. Стояло несколько цветочных горшков, перепачканных землей. Из горшков лезли вверх какие-то странные растения.

Стебли их напоминали толстые и кривые корни хрена, а цветы были такие хилые, такие

невзрачные, что и цветами-то их назвать было нельзя.

Увидев Андрея, продавщица проворно вскочила с табурета, на ходу, взбивая прическу. И до неграмотности учтиво спросила:

– Что будет угодно для вас?

– Мне нужны мимозы, – сказал Андрей, с грустью поглядывая на уродливые растения в цветочных горшках.

– Мимозы? Имелись утром, имелись днем... Сейчас уже кончились. Сами понимаете: завтра праздник. Все за этим товаром охотятся.

Андрей со злостью взглянул на продавщицу: и потому, что в магазине не было мимоз, и потому, что она бесцеремонно называла «товаром» любимые Клавины цветы.

– Возьмите вот эти, – предложила продавщица. – Последние три горшка остались.

Тоже очень редкие цветочки...

– Я вижу, что редкие, – хмуро улыбаясь, сказал Андрей.

– И холода они не боятся.

– Их самих испугаться можно. А больше ничего нет?

– Сегодня ничего, а завтра подбросят.

Нет, завтра уж будет поздно. Андрею хотелось, чтобы Клава получила подарок утром, еще до работы. Несколько минут он молча размышлял. А продавщица за это время собралась с силами и пошла в решительную атаку:

– Возьмите эти цветы. Не пожалеете... Их только надо раскрыть руками, а там, внутри, они очень красивые – лиловые, сиреневые... Очень даже оригинальные цветочки!

И запах... И простоят они долго. А ваши мимозы на второй день осыплются. Мужчины ведь в цветах ничего не понимают.

Сама того не подозревая, продавщица привела самый убедительный для Андрея аргумент. Может, он и в самом деле не понимает? Гонится опять за внешним эффектом, как тогда, покупая духи. А в цветах, может, самое главное – запах? Он нагнулся и понюхал цветок.

– Изумительный аромат! – крикнула в этот момент продавщица.

И Андрею показалось, что цветы в самом деле приятно пахнут. К тому же он очень устал, ему хотелось поскорей добраться домой и поужинать.

– Ну ладно, – сказал он. – Пришлите эти цветы завтра утром. Адрес я напишу.

Он полез во внутренний карман пиджака и достал оттуда толстый граненый карандаш. «Первомайская улица» ... – написал Андрей. И задумался.

Он вспомнил вдруг, что этот прекрасный карандаш, вызывавший зависть у других инженеров (а только инженеры-конструкторы умеют ценить хорошие карандаши!), достала ему Клава. Она ездила за ним на край города, к какой-то школьной подруге, работавшей в писчебумажном магазине.

Вспомнил Андрей и другое... Недавно ему очень захотелось прочитать роман, о котором много говорили его друзья-инженеры, много спорили. Но за книжками журнала, в которых был напечатан роман, в институтской библиотеке установилась длинная очередь. Клава обзвонила всех близких и дальних родственников и знакомых. А как-то в воскресенье она поехала за город, на кирпичный завод, и там, как в детские годы, выменяла у своей подруги нашумевший роман на сборник фантастических повестей.

Так было всегда...

Порой она хмурилась и говорила:

– Ты, Андрюша, как маленький: увидишь у кого-нибудь красивую игрушку и сразу хочешь такую же!..

Но в тот же день она принималась с большой настойчивостью искать необходимую Андрею вещь, как это когда-то, много лет назад, делала мама. Андрей вспомнил все это – и карандаш остановился.

– Вы не указали дом и квартиру, – откуда-то, словно с другой планеты, раздался голос продавщицы.

Андрей скомкал белый листок.

– А где сейчас можно достать мимозы?

Изысканную вежливость продавщицы как ветром сдуло.

– Справок не даем! – процедила она. Вновь уселась на табурет и стала с демонстративным вниманием изучать свои ногти.

Андрей вышел на улицу. Вечер был неуютный, метельный... Казалось, зима, незаконно перешедшая границу весеннего месяца, хотела под конец посылней накурлесить, чтобы оставить по себе память. Усталому и голодному Андрею ветер, без толку переносивший с места на место стайки снежинок, показался колким и пронизывающим. В такие минуты, поеживаясь от холода, всегда приятно бывает вспомнить лето, вспомнить какой-нибудь день, поразивший тебя щедростью красок и солнечного тепла...

И Андрей вспомнил такой день... Он возвращался с курорта, а Клава встречала его на вокзале. Соседи по купе, как это обычно бывает, с любопытством разглядывали женщину, о которой они столько слышали за двое суток пути. Клава смущалась и закрывала лицо огромным ярким букетом.

– Где ты достала такие чудесные цветы? – спросил Андрей. – Можно подумать, что не я приехал с юга, а ты.

– Купила на привокзальной площади, она вся в цветах...

Вспомнив об этом, Андрей решил добраться до вокзала.

Добраться было нелегко, но он смело пустился в путь.

Транспорт переживал бурные часы «пик». Помня о завтрашнем празднике, Андрей долго пропускал вперед всех женщин, стоявших в очереди, и в результате только одна его нога уместилась на подножке троллейбуса. Затем он проехал несколько остановок на автобусе, вышел на привокзальную площадь – и обнаружил, что никаких цветов на площади не продают.

– Утром были мимозы, а сейчас одни только папиросы остались, – сказала лоточница, которую мороз заставлял поптичьи прыгать на одном месте и неистово колотить себя в бока. Казалось, она сама себя наказывала за какую-то тяжкую провинность. – Вы бы к драматическому театру съездили. Там цветочный ларек имеется...

Кругом были парфюмерные и галантерейные магазины.

Их витрины, разрисованные морозом, опрокинулись на панель широкими светлыми квадратами. А внутри, на полках, он знал, были сотни вещей, столь неотразимо заманчивых для женского сердца. Но Клава хотела украсить комнату именно этими цветами – и Андрей должен был их достать!

Он снова втиснулся в автобус, вновь пересел на трамвай...

В окне цветочного ларька, возле драмтеатра, Андрей цветов не увидел, он увидел лишь заиндевевшее лицо старичка продавца, даже на морозе не потерявшее своего доброго выражения в сочетании с невинной, незлобивой хитрецей. Усы старичка, казалось, были вылеплены из снега, и из снега была вылеплена смешная метелочка на подбородке.

– У вас есть мимозы? – безнадежным голосом спросил Андрей.

Старик развел руками и при этом так добродушно улыбнулся, словно отрицательный ответ его должен был несказанно обрадовать Андрея.

Андрей облокотился о деревянную притолоку. «А Клава бы все-таки достала цветы, если бы они нужны были мне, – подумал он. – Из-под земли бы достала! Да, мы подчас куда беспомощней женщин!»

И тут, сам не зная почему, он рассказал старичку историю своих сегодняшних поисков.

– Конечно, жена и без мимоз обойдется... А все же хотелось бы!..

– Понимаю вас, очень даже понимаю, – сказал старичок, с удивлением разглядывая Андрея. – Не так уж часто современные молодые люди о цветах беспокоятся. Цветы вроде и ерунда... Безделица вроде... А через них, между прочим, жена ваша многое может увидеть...

Андрей вытянулся во весь свой недюжинный рост и зашагал прочь от ларька с таким решительным видом, будто он собрался отправиться за мимозами на край света, будто решил немедленно слетать на юг, где растут любимые Клавины цветы.

Но вдруг он услышал сзади:

– Молодой человек, можно вас на минуточку!

Голос этот заставил Андрея вернуться к ларьку.

– Тут я, по правде сказать, оставил один букетик для дочери, извиняющимся голосом сказал старичок. – Да вижу, вам цветы очень нужны. А ей пусть жених достает.

Пусть тоже поищет! Это его дело. Верно я говорю?

– Еще как верно!.. – воскликнул Андрей, готовый расцеловать старичка в его снежные усы и в смешную заиндевевшую метелочку на подбородке.

Букет был аккуратно завернут в большой лист кремовой бумаги. Но цветы спрятать нельзя! Пассажиры в троллейбусе глубоко вдыхали нежнейший аромат юга, ворвавшийся вдруг в побеленный морозом вагон. Молодая женщина завистливо взглянула на сверток, потом на самого Андрея, а потом бросила укоризненный взгляд на своего спутника, мрачно уткнувшегося в газету.

«Правильно... Пусть тоже поищет!» – подумал Андрей.

Потом он тихонько отвернул край оберточного листа, взглянул еще раз на любимые

Мимозы

Добавил(а) Анатолий Алексин

12.04.10 12:22 - Последнее обновление 14.04.10 20:52

Клавины цветы, вдохнул их аромат. И каждый цветок показался ему в самом деле похожим на только-только вылупившегося, неправдоподобно маленького цыпленка, присевшего на зеленую веточку.

1955 г.